

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.Г. Донгаров

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА: ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ЭКСПРОМТ

Донгаров Александр Герасимович – историк, дипломат.

От редакции

В этом году исполняется семьдесят семь лет со дня подписания советско-германского Договора о ненападении. Сколько событий произошло за это время, кардинально изменился мир. Но по-прежнему этот документ как магнит притягивает к себе внимание исследователей. Более того, это далекое событие (его причины и последствия) является важным фактом современной историко-политико-идеологической дискуссии.

Свою точку зрения отстаивает и автор предлагаемого текста. Он – дипломат и историк. И для него совершенно естественно обращение к истории международных отношений, к тому ее периоду, который непосредственно предшествовал заключению «пакта Молотова–Риббентропа». Редакция нашего журнала согласна далеко не со всеми предположениями и выводами автора. Однако, как всегда, мы остаемся «площадкой», на которой могут звучать различные мнения. Единственное условие: оставаться в пределах научного дискурса.

академик РАН Ю.С. Пивоваров

За 70 лет своего существования советская власть оставила нам множество мифов и легенд.

По версии их хранителей, заключение советско-германского Договора о ненападении было полнейшим экспромтом, результатом дипломатического салюто-мортале, трудным с моральной точки зрения, но не имевшим альтернативы, а потому единственно верным, спасительным для страны решением.

Предшествовавшие подписанию пакта события выстраиваются ими в следующую цепочку. После прихода к власти в Германии Гитлера с его идеями реванша на западе и завоевания «жизненного пространства» на востоке континента правительство СССР, стремясь к сохранению общеевропейского мира, предложило всем заинтересованным государствам, прежде всего Великобритании и Франции, создание системы коллективной безопасности. В рамках этой программы весной 1935 г. был заключен советско-французский договор о взаимопомощи. Он, однако, остался политическим жестом, поскольку взятые сторонами друг перед другом военные обязательства никак не были конкретизированы.

Вскоре в Париже и Лондоне вообще сочли более уместной политику умиротворения Германии за счет согласия на ее притязания к соседям на востоке и в центре Европы. В результате этого курса, апофеозом которого стала дипломатическая капитуляция Франции и Великобритании перед Гитлером на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., к рейху были присоединены Австрия и Судетская область Чехословакии. Оказалось, однако, что эти уступки не могли удовлетворить германские аппетиты, и весной 1939 г. Гитлер захватил всю Чехию и отторгнул от Литвы город Мемель с областью (г. Клайпеда и Клайпедский край).

Вызывающий характер действий Берлина продемонстрировал крах «политики умиротворения» и необходимость возврата к идее коллективной безопасности. По дипломатическим каналам Лондон и Париж сигнализировали в Москву о готовности начать трехсторонние военно-политические переговоры. 17 апреля 1939 г. правительство СССР выступило с ответным предложением заключить тройственный договор о военной взаимопомощи и совместном гарантировании безопасности ближайших западных соседей Советского Союза: Румынии, Польши, трех Балтийских стран и Финляндии.

Вскоре после начала англо-франко-советских переговоров выяснилось, однако, что в Париже и, особенно, Лондоне видели в них скорее средство давления на Германию, надеясь сдержать ее агрессивные намерения на западе континента одними разговорами о возможности коалиции с СССР, не идя на ее фактическое создание. Со своей стороны, уверяют нас, советское правительство искренне стремилось к достижению тройственного соглашения, и только выявившаяся к 20-м числам августа 1939 г. полная бесперспективность дальнейших переговоров с англо-французской дипломатией заставила его принять германское предложение о заключении знаменитого Договора о ненападении.

Утверждается, наконец, что благодаря подписанному с Берлином соглашению удалось отсрочить фашистское нашествие на СССР на полтора года, которые были использованы для подготовки к отражению агрессии. Указывается и на увеличение глубины стратегической обороны на 150–250 км

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

в результате воссоединения с СССР захваченных ранее Польшей западно-белорусских и западно-украинских земель, возврата Бессарабии, отторгнутой Румынией от России в годы Гражданской войны, а также присоединения к Советскому Союзу румынской Буковины. И конечно, «добровольное вхождение» в СССР трех прибалтийских государств, позволившее создать в этом регионе новый рубеж обороны. (50 лет связь этих территориально-политических приобретений с пактом-39 нами отрицалась и была признана только в 1989 г.) Наконец, утверждается также, что подписанный договор расстроил германо-японское сотрудничество на базе Антикоминтерновского пакта, направленного против СССР, и, тем самым, уберег нас от открытия второго – Дальневосточного, фронта в 1941 г.

Существует, однако, и иной взгляд на описываемые события. Согласно ему, и на трехсторонних переговорах, и при подписании договора с Германией советские власти преследовали – в действительности! – совершенно иные цели и решали совершенно иные задачи, нежели декларируемые. Ниже мы их назовем.

А был ли экспромт?

Если заключение пакта и выглядело как экспромт, то исключительно на фоне продолжавшихся с середины июня 1939 г. трехсторонних англо-франко-советских переговоров. Однако в более продолжительной ретроспективе экспромтом и кульбитом являлись сами эти переговоры, а соглашение с Берлином было возвращением в центральную, хорошо наезженную за 20 лет колею советской внешней политики, известную под названием «использование межимпериалистических противоречий в интересах советской власти».

Начиналась колея первым же документом этой власти – знаменитым Декретом о мире. Провозглашенный им нейтралитет России в продолжавшейся Мировой войне стал фундаментом виртуозной политики игры на противоречиях между Антантой и германским блоком. Задачу уцелеть между этими жерновами Ленин решал так: отбивался от попыток Берлина навязать его правительству полномасштабные союзнические отношения, угрожая возобновить военный альянс с Антантой, а антантовским попыткам вернуть Россию в войну с Германией противопоставлял угрозу союза с Берлином. Ввиду очевидной успешности этой стратегии она была положена советским руководством в основу его международной деятельности на годы вперед.

Вместе с тем у формального советского нейтралитета 1917–1918 гг. был сильный прогерманский привкус: на долю Берлина приходились дивиденды, поскольку Россия вышла из войны с Германией, а на долю Парижа и Лондона, по той же причине, – исключительно издержки от «срединного» курса Москвы. В 1920–1921 гг. в Кремле принимается решение об уже стратегиче-

ском партнерстве с Германией – до следующей мировой войны. Причем слово «война» следует понимать в данном контексте не столько как указатель временного предела, но как заветную конечную цель этого партнерства. Курс на советско-германское сближение в пику Антанте был зафиксирован договором, подписанным сторонами в итальянском городке Рапалло 16 апреля 1922 г.

Это соглашение создавало в Европе совершенно новую, по сравнению с временами англо-франко-русского союза, геополитическую реальность. Союз дореволюционной России с Антантой имел целью сохранение существовавшего миропорядка путем пресечения германских попыток взорвать его ради передела в свою пользу. Теперь же советская Россия предлагала Берлину полную поддержку и содействие в достижении этой цели. Конечно, не во имя германских интересов, а потому что сама стремилась к переделу мира, но только под лозунгом мировой пролетарской революции, постепенно трансформировавшимся в суперидею строительства Всемирной красной империи. Соответственно, недавние (и, кстати, в скором времени будущие) союзники России – Великобритания и Франция – были «назначены» Москвой своими смертельными врагами.

Для реализации поставленной цели нужна была сильная Германия; поэтому ее восстановление из послевоенных руин становится одной из важнейших задач советской внешней политики 20-х – начала 30-х годов. Самый показательный пример – это военное сотрудничество между двумя странами. Начало ему было положено тайным советско-германским соглашением февраля 1921 г. о «восстановлении немецкой военной промышленности» на территории СССР, в развитие которого 11 августа 1922 г. было заключено Временное соглашение о сотрудничестве между Красной Армией и Рейхсвером. В результате Германия получила возможность, в обход ограничений, наложенных на нее Парижским мирным договором, производить на принадлежавших ей концессионных предприятиях и приобретать в СССР авиабомбы, самолеты, химическое оружие, подводные лодки, танки и т.д., а также готовить в учебных заведениях РККА и собственных военных училищах в Липецке, Казани и Вольске высшие командные кадры армии, танковые экипажи, летчиков ВВС и специалистов по ведению химической войны. В 1926 г. в рамках этого соглашения осваивалась треть годового бюджета Рейхсвера, порядка 150 млн золотых марок [3, с. 788]. По общему мнению специалистов, советская помощь двинула дело возрождения немецкой армии вперед на десять лет. Образно говоря, германский меч реванша ковался в сталинской кузнице.

За собственную безопасность в Кремле не опасались, справедливо считая, что оставшаяся в берлинской повестке дня задача передела мира могла быть решена только за счет прав и владений Великобритании и Франции. Там

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

полагали, кроме того, что знают магическое слово, способное остановить германскую агрессию против СССР, и слово это было – «Польша». О таком безотказном инструменте сохранения «дружбы» с Германией как новый раздел Польши говорилось, в частности, в обзорном письме о европейской политике, направленном в середине 20-х годов тогдашним наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным членам Политбюро ЦК ВКП(б). За несколькими «исключениями», сделанными в ходе чисток 1937–1938 гг., адресатами Чичерина были те самые люди, которые принимали решение в августе 1939 г.

В национал-социалистическом Берлине также прекрасно сознавали непреходящее значение рапальской политики, иными словами, координации внешнеполитических усилий с СССР, на весь период борьбы против Версаля. Буквально «на следующий день» после прихода к власти, в апреле 1933 г., Гитлер согласился с советским предложением о бессрочном продлении действия Договора 1926 г. о ненападении и нейтралитете, ведущего свое политическое и юридическое родство от рапальского соглашения 1922 г. Следует отметить, что ранее правительство Веймарской Республики отвергло эту инициативу; так что в некотором смысле Гитлер оставался последним в Берлине сторонником рапальской стратегии Кремля.

Однако прежде им была полностью отыграна прямо противоположная – антибольшевистская, антикоминтерновская, карта. Под обещание двинуться на восток и оставить ее в покое, фюрер выторговал у западной коалиции все, что только было политически возможно: отмену ограничений на вооружения для Германии, ремилитаризацию Рейнской области, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и Клайпедского края Литвы. Только тогда он достал из рукава свой кремлевский козырь и пустил его в дипломатическую игру.

Впрочем, и период между апрелем 1933 и августом 1939 г. нельзя назвать «мертвым сезоном» в советско-германских отношениях. Ухаживающей, – но все безрезультатно! – стороной была Москва. Тогда Кремль, раздраженный неуступчивостью фюрера, затеял в целях шантажа Германии большую дипломатическую контригру под названием «создание системы коллективной безопасности в Европе», которая увенчалась в 1935 г. подписанием договора о взаимопомощи с Францией. Настало время забеспокоиться Берлину. Именно с этим было связано согласие, данное Гитлером в конце 1936 г., на сугубо тайные контакты рейхсминистра Г. Геринга и директора Имперского банка Я. Шахта с советским торговым представителем в Германии Д. Канделаки. Последний действовал напрямую по поручению Сталина и Молотова с целью нащупать возможность улучшения отношений между двумя странами [3, с. 1001]. Никаких зримых результатов эти контакты, как и планировалось Берлином, не принесли и были вскоре прерваны по распоряжению фюрера.

Ввиду этой неудачи в Москве решили пойти ва-банк и поставить на кон «польский вопрос». В советской печати на протяжении 1938 г. появился ряд

статей руководителей НКВД – сначала заместителя наркома Потемкина, а затем и Литвинова, в которых Польше «предсказывалась», в наказание за ее нехорошее поведение, возможность четвертого раздела. Начиная с осени 1938 г. польская тема также постоянно поднималась руководителями НКВД в беседах с европейскими дипломатами. Последний советский козырь был разыгран, теперь оставалось только ждать ответа из Берлина.

Ответ пришел далеко не сразу. В Берлине правильно рассчитали, что пожали еще не все плоды англо-французской политики умиротворения и сорвали Мюнхенский приз! После этого триумфа рассчитывать на новые уступки стратегического порядка от Парижа и Лондона уже не приходилось. Наступил момент переориентировать свою внешнюю политику на Москву. Первой ласточкой новой весны в советско-германских отношениях стало достигнутое в октябре 1938 г. соглашение о взаимном прекращении нападок по радио и в печати на руководящих деятелей обеих стран. Затем последовало заключение в декабре 1938 г. советско-германского торгового соглашения.

Драматически зримо новая политика Берлина в отношении СССР была продемонстрирована 12 января 1939 г. на новогоднем правительственном приеме для дипломатического корпуса: Гитлер необычайно долго (целых семь минут!) любезно беседовал с советским послом А. Мерекаловым, которого до того демонстративно игнорировал. Согласно имеющимся данным, фюрер высказался за возобновление двустороннего диалога на высоком правительственном уровне, на что, по его словам, Сталин ранее (вероятно через Канделаки) уже дал свое предварительное согласие. Ответной любезностью советского вождя стала его речь на XVIII!!! съезде ВКП(б) в марте 1939 г., в которой он фактически назвал Великобританию и Францию поджигателями войны, а в адрес Берлина не проронил ни одного критического слова.

1939 год вообще можно назвать «годом СССР в Германии». С января полностью прекращается критика в адрес советского режима в немецких средствах массовой информации и выступлениях официальных деятелей Третьего рейха. В начале мая германское правительство удовлетворяет просьбу Москвы о признании действующими заключенных ею ранее, до поглощения Чехии Германией, контрактов с чешскими заводами «Шкода» на поставку в СССР продукции явно оборонного назначения [4, с. 31]. В июне, принимая во внимание советскую озабоченность положением в Прибалтике, Германия по собственной инициативе идет на подписание договоров о ненападении с Латвией и Эстонией. Германский посол в Москве Вальтер фон Шуленбург назвал этот шаг «первым политическим взлосом» Германии в дело улучшения отношений с СССР [4, с. 35]. В апреле на уровне посольств начались, а в июле-августе были максимально ускорены переговоры по всему

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

комплексу отношений между двумя странами. Далее мы приведем их хронологию.

С учетом сказанного повторимся: дипломатическим сальто-мортале, т.е. драматическим отступлением от генеральной линии внешней политики СССР, выглядит как раз не заключение пакта Молотова–Риббентропа, а наоборот, недолгое участие Москвы в переговорах о создании системы коллективной безопасности в Европе в 1935 и 1939 гг.

Действительно, Сталин считал стратегический союз СССР с западными партнерами ложным шагом, уводящим в сторону от решения истинных – партийных – задач его режима на международной арене, заключающихся в экспорте революции как по старым каналам Коминтерна, так и все в большей мере методами военно-политического «принуждения к социализму», т.е. с помощью силы. В условиях европейского мира последнее было совершенно невозможно. Поэтому у Сталина не могло быть ни малейшего желания становиться соавтором второго, улучшенного за счет советского участия, издания Версаля, на сей раз под названием «система коллективной безопасности в Европе». В беседе с британским послом в Советском Союзе С. Криппсом летом 1940 г. Сталин прямо заявил, что «СССР не является сторонником восстановления прежнего европейского равновесия», потому что оно направлено против советских интересов [4, с. 223].

Деятельность Литвинова по созданию системы коллективной безопасности была терпима Кремлем, поскольку могла заставить Гитлера вернуться к политике Рапалло из опасения, что эта система сдерживания Германии действительно будет создана в результате переговоров наркома в Париже и Лондоне. Однако как только обозначилась перспектива нормализации советско-германских отношений, энтузиазм наркома по поводу коллективной безопасности стал неуместен, как и он сам: Литвинова обвинили в англо- и франкофильстве и непроведении партийной линии во внешней политике. Учли в Москве и то обстоятельство, что для берлинского режима нарком-еврей был наихудшим выбором на роль партнера по предстоявшим деликатным переговорам. В результате в мае 1939 г. Литвинов был отправлен в отставку.

Четыре месяца изучения всего комплекса советско-германских отношений по дипломатическим каналам завершились 11 августа 1939 г. принятием Политбюро решения «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов». Дорога ко «второму Рапалло», как часто называют договор 1939 г., была открыта.

Следует иметь в виду, что «Рапалло» – это меньше всего лист бумаги с напечатанным на нем в 1922 г. текстом. Куда важнее сущностная сторона вопроса. Суть же заключалась в том, что в силу объективных условий каждая из сторон рапалльского процесса – советская и германская, могла реализовать

свою внешнеполитическую программу, рассчитанную на весь версальский период европейской истории, *только и исключительно* в связке с другой стороной, заменить которую было некем. Германский посол в СССР в 1922–1928 гг. Ульрих фон Брокфорд-Ранцау называл это «общностью судеб». И в Берлине, и в Москве прекрасно осознавали эту взаимную обреченность на сотрудничество друг с другом в решающий момент перехода из версальского миропорядка в какой-то иной в результате новой европейской войны и социальной революции. В августе 1939 г. Европа стояла на пороге этих перемен, и «возвращение в Рапалло» стало неизбежным.

Запрограммированный провал

Как отмечалось выше, идея англо-франко-советских переговоров родилась в середине апреля 1939 г. Это был период наименьшей определенности в отношениях между тремя европейскими центрами силы. Поэтому как западные союзники, так и СССР сочли разумным «подстелить соломки», т.е. заручиться взаимной поддержкой на тот случай, если договориться с Германией им так и не удастся. Условия оказания такой взаимопомощи и предстояло согласовать в ходе трехсторонних встреч.

Парадоксальность ситуации, однако, заключалась в том, что вступая в эти переговоры, и англо-французская коалиция, и СССР мечтали об их срыве в результате достижения собственной сепаратной договоренности с Германией: столь тяжелым, на грани неприемлемого, был для них успешный с формальной точки зрения исход переговоров. Для Москвы военнополитическое окружение Третьего рейха означало бы одно из двух: либо полный отказ от планов завоевания Европы, если окруженная Германия откажется от войны; либо ополовинивание этих успехов, если все же Берлин решится на войну и проиграет ее объединенной коалиции союзников с участием СССР. После колоссальных жертв, которые страна понесла в годы коллективизации и индустриализации ради подготовки к большой войне за господство на континенте, столь невнятный итог неизбежно ставил бы под сомнение правильность всего внутри- и внешнеполитического курса сталинского руководства.

В те же дни в западных столицах мучительно решали вопрос о том, что им обойдется дороже: немецкая болезнь или советское лекарство. Было ясно, что за помощь СССР в войне с Германией придется заплатить согласием на установление контроля Москвы над Восточной и большей частью Центральной Европы. Даже если бы войны удалось избежать путем принуждения Германии к миру, то и в этом случае Восточная Европа попадала под сильнейшее влияние Москвы. Дело в том, что в качестве неперемennого условия своего участия в трехстороннем соглашении СССР выдвинул требование

о признании за ним права вводить войска на территории соседних восточно-европейских стран всякий раз, когда, по его мнению, для них возникнет угроза прямой и даже так называемой «косвенной» агрессии со стороны Германии. Последний термин трактовался столь расширительно (включал и чрезмерную экономическую зависимость, и усиление влияния прогерманских элементов внутри этих стран и пр.), что ставил их в сильнейшую зависимость от суверенной воли Кремля.

Вот почему, вступая в переговоры, каждая из сторон поспешила дать понять Берлину, что именно ее участие в них – это всего лишь подготовка «запасного аэродрома» и что она предпочла бы договориться обо всем с самой Германией. Впрочем, по-настоящему свободным в выборе образа дальнейших действий был только СССР, не имевший никаких обязательств перед остальными участниками комбинации, тогда как гарантии безопасности, данные Великобританией и Францией Польше, заметно сужали для них политическое пространство для маневра.

Уже отмечалось, что советская внешнеполитическая пропаганда обвиняла западных партнеров в грехе «закулисных» контактов с Берлином, предпринимаемых в надежде достичь с ним модус вивенди без участия СССР. Сами по себе эти «обвинения» обоснованы. Однако о параллельных и куда более интенсивных советско-германских переговорах умалчивалось. Приведем хронологию наиболее значимых из них:

– 17 апреля: беседа полпреда Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Вайцзеккером о возможности кардинального улучшения отношений между двумя странами. Беседа состоялась, вероятно не случайно, в тот самый день, когда в Москве заявили о согласии вступить в трехсторонние переговоры с Великобританией и Францией [4, с. 28–29];

– 5 мая: беседа заведующего восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. Астаховым о положительном решении относительно выполнения советских заказов заводам «Шкоды». Астахов зондирует перспективы советско-германских отношений [4, с. 31];

– 17 мая: беседа Шнурре с Астаховым об удовлетворении советской просьбы о сохранении Торгпредства СССР в Чехословакии и о продолжении действия заключенных ранее с Чехословакией торговых соглашений. Обсуждение общих перспектив советско-германских отношений. Астахов ссылается на Рапальский договор и ставит под сомнение успех трехсторонних переговоров. (Выступать самостоятельно со столь важными политическими заявлениями Астахову было явно не по рангу, т.е. это было сделано по прямому указанию из Москвы в качестве реверанса в сторону Берлина.) [4, с. 31–33];

– 28 мая: беседа Шуленбурга с Молотовым. Шуленбург: «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его» [4, с. 34];

– 22 июля: возобновление переговоров о торговле и кредите;

– ночь с 26 на 27 июля: беседа Шнурре с Астаховым относительно скорейшего достижения стратегического советско-германского согласия [4, с. 38–43];

– 2 августа: беседа Риббентропа с Астаховым о судьбе Польши и Балтики в контексте советско-германского сближения [4, с. 44–46];

– 13 августа: беседа Астахова со Шнурре. Астахов подтверждает заинтересованность СССР в обсуждении поднятых немцами вопросов [4, с. 46–47];

– 14 августа: послание Риббентропа Молотову с предложением о широкоформатных переговорах в ходе его предполагаемого визита в Москву. Молотов предлагает заключить пакт о ненападении или подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. «с одновременным подписанием специального протокола», фиксирующим условия советско-германского территориально-политического размежевания в Восточной Европе [4, с. 47–56];

– 16 августа: послание Риббентропа Молотову о согласии имперского правительства на советские предложения, в частности о пакте. Молотов заявляет Шуленбургу о готовности Москвы заключить торгово-экономическое и политическое соглашение с Германией. Выражается принципиальное согласие на визит Риббентропа [4, с. 57–61];

– 19 августа: состоялись две беседы Шуленбурга с Молотовым о заключении пакта и сроках визита Риббентропа в Москву [4, с. 64–66];

– 19 августа: подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией;

– 21 августа: послание Гитлера Сталину с согласием на советский проект пакта и просьбой ускорить приезд Риббентропа в Москву [4, с. 70–71];

– 21 августа: ответ Сталина Гитлеру с согласием на приезд Риббентропа 23 августа [4, с. 72–74].

Как видим, «закулисная» активность советской дипломатии по интенсификации и содержательности была исключительной.

В упрек западным партнерам ставился также неспешный приезд в СССР на пассажирском пароходе их военных делегаций и недостаточно высокий официальный уровень представительства. Опять-таки эти претензии вполне справедливы. Следует, однако, иметь в виду, что еще прежде того из Москвы в Берлин были посланы два куда более мощных сигнала об ее истинном отношении к предстоящим переговорам с Лондоном и Парижем. Мы говорим, во-первых, об отказе наркома обороны К.Е. Ворошилова от приглашения посетить большие учения британской армии весной 1939 г. Накануне войны в отношении будущего союзника так не поступают.

Однако куда более значимым жестом стала отставка европейски признанного архитектора системы коллективной безопасности М.М. Литвинова с поста наркома буквально накануне начала переговоров о создании этой самой системы. Москва демонстративно давала Берлину понять, что рассматривает, как более предпочтительный, вариант советско-германского сближения. Там, конечно, это так и расценили. «Отставка Литвинова явилась решающим шагом, – докладывал Гитлер высшим военным чинам рейха на совещании 22 августа 1939 г. – После этого я моментально понял, что в Москве отношение к западным державам изменилось». Для Лондона и Парижа отставка наркома также стала знаковым событием. В этих условиях неоправданно высокий уровень представительства западной коалиции мог создать впечатление ее слабости и особой зависимости от «милоостей Кремля».

Еще одним обстоятельством, в значительной мере предопределившим неуспех московских переговоров, была весьма низкая оценка Лондоном и Парижем военной «союзоспособности» СССР. Иными словами: способен ли был СССР оказать союзникам эффективную и своевременную военную помощь, и стоила ли она тех территориально-политических уступок, которыми придется за нее заплатить? Эта оценка может показаться странной. Однако Сталинграду предшествовали полтора года отступления Красной Армии. Надо было обладать советской по размеру территорией, огромным призывным контингентом и сходными природно-климатическими условиями, чтобы постепенно абсорбировать удар германской военной машины, сохраняя при этом обширные тыловые районы для проведения мобилизационных мероприятий и развертывания производства вооружений. Такой благодатью Франция не обладала, и полтора лет на отступление у нее не было. В формате *столкновения армий*, а не *народов и государств*, РККА действительно оказалась бы незавидным союзником, что вскоре и подтвердила война с Финляндией.

Если исходные позиции обеих сторон на переговорах следует признать почти идентичными, то при рассмотрении их в динамике обнаруживаются прямо противоположные тенденции: заинтересованность Москвы в успехе трехсторонних переговоров, если изначально она вообще имела, постоянно падает, а Великобритании и, особенно, Франции – только растет. Причина ясна: советской дипломатии удалось, а англо-французской – нет, нащупать почву для сепаратной договоренности с Берлином.

К концу июля Лондон и Париж фактически ставят крест на дальнейших попытках прийти к согласию с Германией в виду непреодолимых противоречий между сторонами. Исчезает опасность сепаратной сделки между ними. Из этого факта в Москве могли сделать только два практических вывода, каждый из которых предопределял избрание одной из двух разнонаправленных стратегий в вопросах войны и мира. Первый вывод: перед лицом все

более вероятной войны с Германией успех или провал трехсторонних переговоров становится для западной коалиции вопросом жизни или смерти, что гарантирует ее искреннее стремление к достижению соглашения с СССР; в таком случае советско-германские переговоры можно и нужно прекращать. Вывод второй: перед лицом запланированной Берлином войны против Польши и, следовательно, ее западных союзников он обречен искать соглашения с Кремлем, в связи с чем от страховки в виде переговоров с англо-французской коалицией можно отказаться, а советско-германские переговоры следует максимально интенсифицировать.

Какой из названных вариантов был выбран хорошо известно. 23 августа в Москве ждали прибытия министра иностранных дел Германии Й. фон Риббентропа. С трехсторонними переговорами следовало быстро заканчивать, объявив их неуспешными, что и было сделано Ворошиловым 22 августа. В качестве предлога был выбран отказ Польши пропустить через свою территорию советские войска для участия в боевых действиях против Германии.

Этот «польский аргумент» бездумно повторяется вот уже более 70 лет, однако что он доказывает – наверное, непонятно и тем, кто на него постоянно ссылается. Действительно, *что* в создаваемом таким образом раскладе могло не устраивать Кремль? Ведь выходило, что СССР практически в одностороннем порядке получал от Великобритании и Франции полноценные союзнические гарантии, сам будучи освобожденным польским отказом пропустить войска от фактического выполнения встречных обязательств перед Лондоном и Парижем. Мол, мы бы и рады повоевать за союзников, да вот Польша не велит! При этом никто не мешал СССР, будь у него желание воевать, осуществлять авиационные бомбардировки Германии, открыть боевые действия на море, использовать воздушный и морской десанты, послать экспедиционные войска для участия в боях на Западном фронте, перерезать пути снабжения Германии стратегическим сырьем, оказывать военно-политическое давление на страны, от скандинавских до Ирана, с целью удержать их в орбите антигитлеровской коалиции и т.д. Это в теории. На практике западная коалиция соглашалась на такой формально неэквивалентный обмен гарантиями с СССР потому, что всем было ясно, что после германского удара правительство Польши само запросит советскую помощь, либо еще из Варшавы, либо уже «из Лондона», т.е. будучи правительством в изгнании. Кстати, наша историческая литература даже не задается рядом важнейших вопросов, касающихся польской проблематики. Например, почему годом ранее, в дни судетского кризиса, СССР обещал Чехословакии вооруженную помощь, нисколько не увязывая ее оказание с получением согласия Румынии и той же Польши на проход советских войск? Или почему Москва самоустранилась от переговоров с Варшавой о пропуске войск и не довела до ее

сведения предложенный Генштабом РККА компромиссный вариант маршрута – по окраинным районам страны через Виленский коридор и Галицию. Также упорно обходится вниманием тот факт, что в конце концов французской дипломатии удалось-таки вырвать у польского министра иностранных дел Ю. Бека подобие согласия на военно-техническое сотрудничество с СССР в случае германской агрессии [1, с. 316–318].

Слагаемые Победы или издержки?

Знание истории заключения пакта-39 позволяет независимым исследователям утверждать, что при его подписании Сталин был озабочен не столько вопросом обеспечения безопасности СССР традиционными методами в смысле создания практических заделов для отражения будущей германской агрессии, сколько решением данной проблемы на путях европейской геополитики. Забегая вперед, скажем: в том-то и была «беда» пакта, что положенный в его основу геополитический расчет оказался в корне неверным, а предпринятые, исходя из него, практические мероприятия – строго контрпродуктивными. Стремление официальной историографии скрыть неудобную правду о геополитической стороне этого провалившегося проекта и одновременно представить успешными его промежуточные результаты, делают эту миссию в принципе невыполнимой.

Действительно, если взять ту же знаменитую «отсрочку», то совершенно очевидно, что нападать на СССР в 1939 г. у Германии не было ни малейшего намерения, ни малейшей возможности. Для начала достаточно указать на отсутствие общей границы между двумя странами. (Согласно известному историческому анекдоту, Наполеону в подобных случаях никаких дополнительных доказательств уже не требовалось.) Немецкое нападение на СССР через территорию Польши означало бы для Германии войну одновременно на двух фронтах – западном и восточном. Вероятность осознанного выбора Германией этого самоубийственного пути никем в Европе даже не рассматривалась. Не предполагало германской агрессии и соотношение сил двух сторон: 147 дивизий у СССР и только 53 – у Германии; 21 тыс. танков у СССР и только 3,4 тыс. – у Германии; 11 тыс. самолетов у СССР и только 4,3 тыс. – у Германии и т.д. В 1939 г. советско-германской войны не было даже в проекте, даже в виде штабной игры Объединенного верховного командования вермахта. По оценке одного из его руководителей генерала В. Варлимонта, германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г., в результате дефицита в вооружениях и отсутствия необходимых резервов личного состава [5, с. 55].

Рассуждения о судьбоносном значении пакта как документа вообще теряют смысл, поскольку на 23 августа 1939 г. между СССР и Германией уже

действовал **Договор о ненападении и нейтралитете**. Как указывалось выше, договор был подписан в Берлине в 1926 г. и в апреле 1933 г. по договоренности между советским правительством и правительством Гитлера продлен на неопределенный срок с правом денонсации при условии предупреждения за один год. Объем и характер взаимных обязательств сторон по обоим договорам – 1926 г. и 1939 г. – были практически идентичны. Кроме того, вплоть до 22 июня 1941 г. сохраняла силу советско-германская Конвенция о согласительной процедуре, обязывавшая стороны прибегать исключительно к ненасильственным способам урегулирования спорных вопросов между ними.

Таким образом, необходимые бумажные гарантии ненападения от Гитлера у Сталина имелись и до визита Риббентропа. Поэтому первоначально оформить новое советско-германское сближение предполагалось путем простого подтверждения (в чем, впрочем, не было никакой юридической необходимости) договора 1926 г. [4, с. 38, 55, 60]. На деле для Сталина пакт-39 был не более чем пустым конвертом, в который Гитлер должен был положить взятку в виде согласия на территориально-политические уступки Кремлю в Восточной Европе, чтобы заручиться сохранением благожелательного по отношению к Берлину советского нейтралитета в войне Германии против Польши и ее западных союзников. Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе Риббентроп, по приезде в Москву ему с порога было заявлено без обиняков, что если размер «взятки» окажется недостаточным, он может сразу вылетать назад в Берлин [2, с. 137].

Вместо «спасения отечества» от мифической германской угрозы подписание злосчастного пакта, точнее, вновь расцветшее на его рапальском фундаменте сотрудничество Берлина и Москвы, в действительности имели для СССР смертельно опасный побочный эффект. Теснейшая координация действий двух стран на международной арене, а также поставки стратегического сырья из СССР вкупе с предоставленной возможностью транзита германских экспортно-импортных грузов через территорию нашей страны в обход установленной союзниками системы экономической блокады рейха, дали Лондону и Парижу основания рассматривать Советский Союз как **невоюющего союзника** Германии. Дважды на протяжении зимы-весны 1940 г. отношения СССР с упомянутыми державами приближались к критической черте, чреватой возникновением вооруженного конфликта. Первый раз речь шла о планах отправки в январе-феврале 1940 г. 100-тысячного англо-французского экспедиционного корпуса на помощь Финляндии в ее войне против СССР с одновременной оккупацией Мурманска и бомбардировкой мурманской железной дороги; только отказ Швеции и Норвегии пропустить иностранные войска через свои территории сорвал эти планы. Следующий пик обострения отношений пришелся на май 1940 г., когда

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

германские войска стояли на границе с Францией в полной готовности к нападению. В этих условиях поставки стратегического сырья, в особенности нефти, из СССР в Германию рассматривались западной коалицией как прямое содействие германской агрессии. В ответ была разработана операция по нанесению бомбовых ударов по бакинским нефтепромыслам, а также железнодорожной сети в районе советско-германской границы. Начало операции было запланировано на 15 мая, однако пятью днями раньше Германия напала на Францию, и союзникам стало не до бомбардировок.

Таким образом, отдаляя, – якобы! – несуществующую еще германскую угрозу, пакт-39 в действительности породил абсолютно реальную и чудовищную по своим потенциальным последствиям, как для самого Советского Союза, так и для всего человечества, опасность вступления СССР в войну на стороне сил Зла.

Столь же нелепой, как «теория отсрочки», выглядит попытка объяснить заключение пакта-39 стремлением отодвинуть государственную границу дальше на запад в целях увеличения глубины стратегической обороны на пару сотен километров. На деле, ни военная доктрина СССР, ни уставы Красной Армии вообще не рассматривали стратегическое отступление в качестве возможного вида боевых действий. «Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий», – гласил Полевой устав РККА 1939 г. Суть военной доктрины раскрывал лозунг: «Бить врага на его собственной территории!».

В действительности выдвижение советских войск на неосвоенные в инженерном отношении и политически негостеприимные присоединенные территории соседних государств повлекло за собой снижение их боеготовности. Обычным делом было отсутствие в новых местах дислокации частей РККА казарм, бань, медпунктов, стрельбищ, танкодромов и т.д., что серьезно затрудняло организацию боевой учебы и отдыха личного состава. Кроме того, красноармейская масса не отождествляла оборону новых рубежей и территорий с защитой Родины и под германским ударом быстро покатила назад, создавая обстановку всеобщей паники и неразберихи. В результате вермахт прошел присоединенную территорию Белоруссии и вышел на старую границу **на третий из 1418 дней** Великой Отечественной войны. Для оккупации Литвы и Латвии понадобилась **неделя**. О каких «слагаемых Победы» можно говорить?! При этом как-то забывается, что с согласия Москвы немцы продвинулись в Польше на восток на 400 км.

Теперь обратимся к ситуации на Балтике. Беспользой в войне с Германией оказалась советская военно-морская база на финском полуострове Ханко, с территории которой так и не было произведено ни одного залпа по вооруженным силам противника. Фактически превратились в ловушки для

базирувавшихся там кораблей Балтийского флота порты Эстонии. Не стала особым препятствием для вермахта и территория трех прибалтийских стран.

Чем сомнительнее с точки зрения укрепления обороноспособности выглядят советские приобретения 1939–1940 гг. в Польше, Румынии и на Балтике, тем чудовищней представляется заплаченная за них цена. За Бессарабию и Буковину заплатили полномасштабным участием Румынии в войне против СССР, в которой в 1941–1944 гг. приняли участие порядка 1 млн ее солдат. Платой за плацдарм на Ханко, спор вокруг которого в конечном счете привел к срыву переговоров с Хельсинки, были две кровопролитные войны с Финляндией (1939–1940 и 1941–1944 гг.) и замыкание блокадного кольца вокруг Ленинграда с севера. В целом из 2 тыс. км Восточного фронта летом 1941 г. 1200 км удерживались Финляндией и Румынией, последней при незначительном венгерском участии. Это позволило вермахту сконцентрировать свои силы на центральном московском направлении и добиться здесь феноменальных побед. Без содействия румынской армии был бы также невозможен успех крупнейшей в мировой истории операции по окружению войск противника – так называемого Киевского котла, в котором оказались от 600 до 700 тыс. красноармейцев. Советизация Прибалтики, ставшая конечной точкой в развитии ситуации в этом регионе на базе принципов пакта-39, означала уничтожение трех союзных СССР государств с сильными антигерманскими настроениями и армиями военного времени суммарной численностью порядка 400 тыс. человек. Вместо этого в ответ на советизацию Кремль получил «лесных братьев» и участие 200 тыс. граждан прибалтийских стран в вооруженных формированиях Германии. Наконец, ликвидация польского государства означала исчезновение буфера, отделявшего агрессора (Германию) от его жертвы (СССР), причем по инициативе самой жертвы, и сделала возможной знаменитую «внезапность» нападения на Советский Союз.

Некоторые историки, прежде всего «от политики», приписывают пакту заслугу срыва одновременного с немецким японского нападения на СССР. Конечно, примирение Берлина с Москвой нанесло тяжелый удар по военно-политическому сотрудничеству Германии и Японии в рамках «Антикоминтерновского пакта». Однако к 22 июня 1941 г. Токио уже мог утешиться заключенным 27 сентября 1940 г. Берлинским пактом о тройственном союзе между Германией, Италией и Японией. И если второй дальневосточный фронт так и не был открыт, то это, скорее, стало следствием разгрома японских войск на Халхин-Голе в ходе операции, запланированной задолго и начатой за несколько дней до подписания советско-германского договора.

Итак, никаких следов практического укрепления безопасности СССР перед лицом вероятной германской агрессии не обнаруживается. Результат оказался прямо противоположным. **В таком случае остается предположить**

одно из двух: либо что Кремль был захвачен группой клинических идиотов, либо что нам предлагают рассматривать договор Молотова–Риббентропа совершенно не в том международном контексте, на который он был рассчитан, а подгоняя его задним числом под ситуацию 22 июня 1941 г.

Напротив, все начинает выглядеть предельно логичным, достаточно предположить, что пакт-39 был скроен не под оборону СССР от германского нападения, а под устранение этой угрозы методом превентивной войны против Германии под знаменем мировой пролетарской революции. Тогда ликвидация польского буфера из величайшей геополитической ошибки превращается в виртуозно выполненную операцию по устранению главного препятствия на пути Красной Армии в Европу, причем чужими – германскими – руками. В 1920 г. это препятствие оказалось непреодолимым для РККА; теперь же Германия бралась сама разубить «польский узел», причем ценой официального вступления в войну с западной коалицией!

Становится понятным и значение переноса границ, а вернее – выдвижения советских войск на запад на 150–250 км. Во-первых, в масштабах Восточной и Центральной Европы эти километры являлись значительной частью пути на Бухарест, Будапешт, Краков и далее – на Вену и Берлин. Во-вторых, в тылу советских войск, т.е. уже преодоленными, оказывались приграничные укрепления Польши и Румынии, например тогда еще польская Брестская крепость. Этим создавались особо благоприятные условия для быстрого развертывания советского стратегического наступления на запад. Наконец, с бессарабских и буковинских позиций было легко контролировать румынские нефтепромыслы, прекращение поставок с которых обездвживало германскую армию по истечении буквально нескольких недель.

Вне перспективы европейского похода РККА не может быть понято и требование об установлении советского протектората над Болгарией, выдвинутое Молотовым в ходе переговоров с Гитлером и Риббентропом в Берлине в ноябре 1940 г. Невозможно мотивировать подготовкой к отражению германской агрессии ввод войск в страну, даже не имевшую общей границы с СССР. Но вот в картину «Похищение Европы» обретение Советским Союзом плацдарма на Балканах вписывалось весьма удачно. (Болгарский вопрос имел также отношение к обеспечению внутренней безопасности СССР.)

Итак, «дружба» с Германией обещала целый ряд заманчивых перспектив как общеевропейского, так и регионального значения. Со своей стороны Берлин с убедительностью библейского змия соблазнял Москву сделать выбор именно в пользу советско-германского сближения. В роли змия выступил старый знакомец большевистского руководства, дипломат – специалист по восточноевропейским делам Ю. Шнурре. Вот как он представил баланс *pro*

& *contra* в связи с обеими возможными внешнеполитическими ориентациями СССР – прогерманской и просоюзнической, в беседе с советским поверенным в делах в Берлине Г. Астаховым 27 июля 1939 г.: «Что может Англия предложить России? Самое большое – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт, и, если Москва пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена (благословенные времена польских разделов. – *А. Д.*), обе страны получают выгоду» [4, с. 40].

В Москве, конечно, понимали, что шнурровский анализ ситуации верен, но только применительно к первой стадии европейского конфликта – войне на западном фронте. После ее окончания, – независимо от того, кто окажется победителем, – для СССР складывалась чрезвычайно опасная ситуация. Если это будет Германия, то тогда Кремль лишится всех потенциальных союзников и окажется один не только против победоносной державы, поставившей под свой контроль ресурсы всего континента, но и ее сателлитов из числа обиженных Москвой соседей. Если одержит верх англо-французская коалиция, она припомнит СССР его фактически союзнические отношения с Берлином и авторитетно потребует, как минимум, восстановить в Восточной Европе статус-кво, существовавший там до советско-германскогоговора.

Выдвинутое Шнурре предложение являлось, по существу, дипломатической реинкарнацией разработанного еще в 1895 г. начальником Германского генерального штаба так называемого «плана Шлиффена». Его цель состояла в избавлении Германии от проклятия войны на два фронта после того, как был создан русско-французский военно-политический союз. Такая возможность возникала в связи с тем, что на осуществление всеобщей мобилизации России требовалось 105–120 дней, тогда как Германии – всего 15. Полученную фору в 90–105 дней Германия рассчитывала использовать для скорейшего сокрушения Франции и последующей переброски войск на восточный фронт против еще не до конца отмобилизованной Русской армии. *На время войны с Францией германский Генеральный штаб был готов полностью оголить свой восточный фланг ради усиления западной группировки войск и отвести свои армии за Вислу, сдав, – временно! – русским всю Восточную Пруссию с Кёнигсбергом, а также прочие территории.* Сделанное Шнурре предложение являлось, по существу, дипломатическим близнецом этого плана. Прежней оставалась цель: избежать войны на два фронта и бить своих противников поодиночке. Прежним оставалось средство: лишить Францию русского союзника на время войны с Германией. Прежней оставалась и цена, которую Берлин был готов заплатить за осуществление этих планов: времен-

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

ный, только временный, уход Германии из Восточной Европы и сдача ее русским.

Почему же было принято германское предложение? Ответ прост: в Москве не собирались ждать окончания войны на западе, а намеревались, выждав удобный момент, выступить как самостоятельная третья сила и, имея союзником измученные войной народные массы Европы, превратить ее в войну общеевропейскую гражданскую. В 1925 г. Сталин конкретизировал данный прогноз следующим образом: если начнется межимпериалистическая война, говорил он, «то нам не придется сидеть сложа руки – нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить». Эту мысль он практически повторил через 14 лет, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г.

Следует со всей силой подчеркнуть, что вне плана нанесения советского превентивного удара по Европе фактическое согласие Кремля на реализацию предложенного немцами дипломатического варианта замысла Шлиффена пришлось бы квалифицировать как величайшую глупость или величайшее предательство в политической истории человечества. Если же не считать кремлевское руководство коллективным глупцом или коллективным предателем, то принятие им немецкого предложения однозначно свидетельствует о его намерении самостоятельно выбрать выгодный для СССР момент вступления в европейскую войну, причем, по определению, вступления именно в превентивном порядке.

Вот во имя чего подписывался августовский договор. На этом фоне рассуждать о пресловутой «отсрочке» или километрах перенесенных границ столь же нелепо, как спорить о том, удобно или нет забивать гвозди микроскопом (что, в принципе, возможно), забывая о его истинном предназначении. Масштаб сталинского замысла на предстоящую войну был таков, что изучать его надо по глобусу, а не по карте в лейтенантском планшете.

Так чем же стал августовский пакт для внешней политики СССР – блестящим маневром или роковой ошибкой? Ответ может быть как тем, так и другим, и будет зависеть от того, что считать целью его подписания. Если она сводилась к получению Советским Союзом некоторых преференций тактического порядка в виде «отсрочки» и переноса границ, как нас уверяет официальная пропаганда, то на деле результат, – несмотря на все ее потуги доказать обратное, – оказался прямо противоположным. Если же в вопросе целеполагания придерживаться нашего взгляда, то ответ будет следующим. С одной стороны, вступить в войну, как планировали в Кремле, с выдвинутых на запад позиций в удобное для себя время и ценой малой крови завоевать всю континентальную Европу, конечно, не удалось: сказался просчет в оценке характера будущей войны, оценке, положенной в основу всего замысла. На

деле сначала дождались германского нашествия, затем отступали до волжских рубежей, оставив страну на разграбление и уничтожение врагам. Но, с другой стороны, сто раз прав историк Ю. Фельштинский, утверждая, что «операция по разжиганию войны в Европе руками Гитлера была столь крупномасштабна, что переломить ее наступательный победоносный дух не смогли даже величайшие поражения Красной армии летом и осенью 1941 г. Советские войска все равно вошли в Берлин и утвердили коммунистическую систему правления в Восточной Европе. Только произошло это четырьмя годами позже» [4, с. 22].

Однако этот грандиозный триумф также был всего лишь промежуточным итогом операции, начатой в итальянском Рапалло в далеком 1922 г. По гамбургскому счету запланированная там стратегическая многоходовка, ставшая на долгие десятилетия содержанием и смыслом советской внешней политики и имевшая целью построение Всемирной красной империи, оказалась губительной антинациональной авантюрой и к середине 80-х годов закончилась катастрофой для самого Советского Союза, рухнувшего под невыносимым бременем невыполнимых имперских задач.

Литература

1. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – Т. 2. – 431 с.
2. Зора Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь. – М., 1989. – № 9. – С. 125–143.
3. «История России. XX век. 1894–1939». – М.: Изд-во АСТ – Астрель, 2009. – 1023 с.
4. СССР – Германия. 1939–1941. Секретные документы. – М.: Изд-во Эксмо, 2011. – 383 с.
5. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М.: Изд-во Высшая школа, 1992. – 302 с.